

— Хуайюй, ты знаешь, когда он хотел... сделать это, я почему-то вдруг почувствовал, что хочу его убить! Если бы у меня под рукой был нож, я бы точно вонзил ему его в грудь... Разве я не ужасный?

Гу Хуайюй мягко одернул его, хотя в голосе звучала всё большая нежность:

— Глупости, кто сказал, что ты ужасный? Ненавидеть того, кто причинил нам боль, и даже хотеть убить — это вполне нормально... Не унижай себя... Ты должен знать, что бы ни случилось, кем бы ты ни был, я буду любить тебя и всегда буду на твоей стороне, чтобы защищать.

Потому что он сам таким был... В момент перерождения он ненавидел своих врагов до такой степени, что хотел прямо сейчас схватить нож и убить их, вырвать их жилы, съесть их мясо, но в конце концов, из-за того, что в сердце оставались привязанности, он силой подавил эту кровожадную жажду.

Сюэ Цзя внезапно повернулся, обнял Гу Хуайюя за шею и тихо заплакал. Сначала его голос был низким, но затем стал невыносимо печальным, слезы капали на грудь Гу Хуайюя и стекали в воду.

Гу Хуайюй медленно обнял его, и на сердце у него становилось всё тяжелее, словно что-то разрывало грудь, медленно впуская внутрь печаль. В прошлой жизни Сюэ Цзя, говорили, не плакал, когда в свадебную ночь его бросили одного; не плакал, когда он пренебрег церемонией визита к родителям жены; не плакал, когда тот семь лет держал его в холоде в заднем дворе. И даже до самой смерти он ни разу не видел, как плачет Сюэ Цзя. Но сейчас Цзяэр плакал так горько, значит, в тот раз ему было очень страшно и обидно.

Но разве то, что Цзяэр так открыто выражал свои эмоции перед ним, не означало, что на самом деле Цзяэр тоже начал понемногу доверять ему?

Сюэ Цзя плакал долго, прежде чем его голос стал стихать, и он всхлипывая медленно произнес:

— Ты не знаешь... На самом деле, причина этому есть.

Когда ему было семь или восемь лет, его тетушка только что ушла, и это было время самых яростных интриг во внутренних покоях дома Сюэ. Самой любимой наложницей отца Сюэ Жэня изначально была госпожа Чжэн. Но тогда в дом взяли новую наложницу, госпожу Лю, выходящую из публичного дома. Она была очень красива и умела льстить, так что не только затмила госпожу Чжэн, но и даже подавила госпожу Сюэ. Стороны ссорились каждый день, и хотя случалось много происшествий, они не затрагивали Сюэ Цзя, ребенка, который только что потерял мать и не был любим.

Но в тот день, когда дети играли в саду дома Сюэ, через некоторое время услышали, что законный сын госпожи Сюэ, Сюэ Лу, упал в воду. Когда его вытащили, он тяжело заболел. Сюэ Цзя подслушал, как две служанки на кухне судачили, что на самом деле он упал не случайно, а Сюэ Лу при госпоже Лю оскорбил её, и служанка госпожи Лю столкнула его в воду. Поскольку свидетелей не было, а госпожа Лю была красноречива и категорически отрицала всё, Сюэ Жэнь, который тогда был очень увлечен госпожой Лю, не стал наказывать её, а только высек ту служанку, о которой шла молва, и продал её. Госпожа Сюэ из-за этого возненавидела госпожу Лю. И вот, когда у госпожи Лю родился сын и исполнился год, в доме Сюэ устроили небольшой пир, и брат госпожи Лю, напившись на пиру, был намеренно приведен госпожой Сюэ туда, где находился Сюэ Цзя.

Потому что говорили, что этот старший брат госпожи Лю любит мальчиков.

Слуги и прочие были заранее намеренно отвлечены госпожой Сюэ. Сюэ Цзя собственными глазами видел, как тот пьяный мужчина приближается к нему, трогает его как попало и развратничает, но как бы он ни кричал и ни плакал, никто не приходил спасти его. В конце концов, он перепугался до смерти и изо всех сил укусил мужчину за шею, прокусив её до крови. Мужчина разжал ему челюсть и в ярости швырнул его в угол, так что он ударился головой и набил шишку.

Именно в этот момент Сюэ Жэня, наконец, привела госпожа Сюэ, и он увидел эту сцену во всех деталях. Сюэ Жэнь с одного взгляда понял, что происходит. Хотя он и не любил этого сына, но в понятиях Сюэ Жэня этот сын был его частной собственностью, как же позволить другим трогать его? Если бы только это, но госпожа Лю всё же родила ему сына, а ещё Сюэ Жэнь был человеком, крайне дорожащим своим лицом. То, что несколько родственников и друзей увидели эту ситуацию, показалось ему чудовищным падением лица. Он жестоко отчитал госпожу Лю и больше не позволял её родне приходить в дом, а праздник закончился на мрачной ноте.

После этого Сюэ Цзя тоже заболел. Но в отличие от Сюэ Лу, у которого была любящая мать и слуги заботились о нем, маленький Сюэ Цзя мог только тупо смотреть на холодный свет в окне, медленно переживая болезнь. В то время он выглядел заторможенным, но никто не понимал страха в его сердце.

Постепенно взрослея, Сюэ Цзя понял, что тогда он был просто самой подходящей фигурой, чтобы использовать против врагов госпожи Сюэ. Без защиты матери, подходящего возраста и неспособности сопротивляться, он стал напрасной жертвой борьбы в задних покоях. А до его обид кому было дело?

Позже, в шестнадцать лет, он без колебаний женился в доме Гу. Если не считать самого главного факта — влюбленности в Гу Хуайюя, — то еще и потому, что хотя семья Гу была знатной, её структура была крайне простой, а внутренних распрей почти не было. В первый год, хотя Гу Хуайюй и не любил его, в резиденции Гу ему никогда не давали чувствовать унижение, и обращение было гораздо лучше, чем в доме Сюэ. Старый господин Гу также относился к нему очень доброжелательно. Иногда он даже завидовал Гу Хуайюю, что у него такой хороший отец, и думал: вот если бы его отцом был Гу Чжунмин...

К сожалению, рождения не выбираешь.

Услышав это, Гу Хуайюй чувствовал себя ужасно, он крепко обнял Сюэ Цзя, а одной рукой медленно гладил его по спине:

— Цзяэр... Цзяэр... Не бойся, не бойся, больше так не будет. Я всегда буду защищать тебя, никто не посмеет тронуть тебя ни на волос.

После того как Сюэ Цзя выплакался, негативные эмоции в сердце ушли, и долгое время сдерживаемая мрак под мягкими ласками мужчины постепенно рассеялся, цвет лица заметно улучшился. Однако они всё еще находились в воде, обнаженные и прижатые друг к другу. Когда он рассказывал историю, он не замечал этого, но сейчас Сюэ Цзя почувствовал руку Гу Хуайюя, скользящую по его телу. Хотя он знал, что у того нет дурных намерений, его лицо не переставая краснело, и он даже чувствовал, что его нижняя часть тела немного приподнялась. От смущения он опустил лицо в грудь Гу Хуайюя.

Гу Хуайюй, почувствовав движение Сюэ Цзя, лишь с опозданием осознал двусмысленность их

нынешней позы — ванна была большая, но они так тесно прижались друг к другу у её края. Обнимая такое теплое и мягкое тело, Гу Хуайюй не мог оставаться спокойным. Он кашлянул пару раз и произнес:

— Цзяэр, давай выйдем и ляжем спать.

Уши Сюэ Цзя покраснели, и он позволил Гу Хуайюю вынести себя. Выбравшись из ванны, Гу Хуайюй вытер Сюэ Цзя полотенцем, прямо завернул в тонкий шелковый халат и отнес на кровать.

Волосы у висков Сюэ Цзя были еще влажными, прилипли к щекам и стекали каплями внутрь халата, намочив кусок ткани на груди, что делало обнаженную белую кожу еще более соблазнительной. Глядя на это, нижняя часть тела Гу Хуайюя начала шевелиться.

Глядя на эту прелестную картину, Гу Хуайюй чувствовал сухость во рту, но вспомнив только что рассказанную Сюэ Цзя историю, он с трудом сдержал себя:

— Цзяэр, сегодня вечером... можно?

Сюэ Цзя услышал колебание в голосе Гу Хуайюя, только повернулся и пристально посмотрел на него, на его румянном лице была нежная любовь:

— Сегодня вечером... я вручаю себя тебе.

Гу Хуайюй больше не мог сдержаться, он припал к губам Сюэ Цзя и стал целовать его со страстью. Одной рукой он нежно обнял его за шею, а другой, озорной, медленно снял с Сюэ Цзя халат, своим членом трется о внутреннюю поверхность белоснежных бедер Сюэ Цзя.

Лицо Сюэ Цзя тоже стало немного затуманенным, голос его прозвучал низко:

— Хуайюй, войди, я хочу, чтобы ты вошел.

Гу Хуайюй стал целовать Сюэ Цзя еще нежнее, сделав прелюдию, медленно вошел в тело Сюэ Цзя. В момент, когда они стали единым целым, чувства Гу Хуайюя переполнили, и он с любовью смотрел на Сюэ Цзя:

— Цзяэр, я правда люблю тебя, очень люблю.

Сюэ Цзя обнял шею Гу Хуайюя и радостно улыбнулся:

— Я тоже.

<http://bllate.org/book/17686/1649975>